

МИХАИЛ, МЕЧ ГОСПОДА

КНИГА ПЕРВАЯ

ПРОСЬБА АЗАЗЕЛЯ

КНИГА ВТОРАЯ

ПОДЗЕМНЫЙ ГОРОД СОДОМА

КНИГА ТРЕТЬЯ

РЕЙД ВО СПАСЕНИЕ

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

АНГЕЛ С ЧЕРНЫМ МЕЧОМ

ГАЙ ЮЛИЙ
ОРЛОВСКИЙ

МИХАИЛ
МЕЧ ГОСПОДА

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

АНГЕЛ С ЧЕРНЫМ МЕЧОМ

МОСКВА
2 0 1 8

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-66

Оформление серии *А. Саукова*

Иллюстрация на переплете *А. Дубовика*

Орловский, Гай Юлий.

О-66 Михаил, Меч Господа. Книга четвертая. Ангел с черным мечом / Гай Юлий Орловский. — Москва : Эксмо, 2018. — 352 с.

ISBN 978-5-04-099016-0

Нет более важной задачи, сообщил падший ангел, чем закрыть Врата Ада. Иначе поток демонов вот-вот сметет с пути все человечество.

Пока Азазель и Михаил ищут пути закрыть эти Врата, продолжая сражаться с демонами и нефилимами в аду и в мире людей, Михаилу начали помогать две соперничающие демоницы, у которых не совсем понятные интересы.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-099016-0

© Орловский Г. Ю., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Багровые тучи, похожие на табун лохматых огненных коней, с грозным гулом промчались по низкому своду из красного камня. Резко и страшно обнажились багровые трещины и грозно торчащие исполинские зубы обугленных вечным жаром скал.

Михаил собирал рюкзак, когда крупнозернистый песок вперемешку с мелкими камешками затрещал под шагами приближающейся Обизат. В крупных зеленущих, как у молодого кузнечика, глазах он рассмотрел обиду, а бледное детское личико с нежным румянцем стало еще бледнее.

— Ничего не пойму, — заявила она сердито. — Доспехи и мечи просто чудо, башмаки новенькие, а карманы пустые! Даже у командира. Так не бывает.

Михаил покосился на ее красиво вздернутые, словно в вечном изумлении, широкие брови, но промолчал, в преисподней для него нет ответов, сосредоточенно складывал в рюкзак вещи и затягивал шнурки, чувствуя под собой жар прокаленного песка, зато Азазель пояснил голосом доброго наставника:

— Им велено не засвечиваться, детка. И знаков различия нет, верно?.. Вежливые такие зеленые человечки...

— Они не зеленые, — возразила она.

— Не рассмотрела, — сказал он. — Сама еще зеленая.

— Я не зеленая, — ответила она с негодованием и, тряхнув красными, как жаркий огонь, волосами, взглянула на молча слушающего Михаила. — Но если мой господин прикажет, буду и зеленой.

Михаил в неловкости подвигал задом по сухой прокаленной земле.

— Собираемся? — спросил он Азазеля. — Уходим?

Азазель на корточках старательно завязывал почти опустевший рюкзак, даже не поднял головы.

— А чего голосок дрожит? — ответил он насмешливо. — Не бойсь, других заданий нет. Отдохнешь дома, а то рассиделся тут. Понравилось, кто бы подумал...

Он разогнулся и застыл. Впереди шагах в пяти накаленный воздух задрожал, сгустился. Красиво и грациозно вышла, как из шатра, раздвинув полог, рослая женщина в постоянно меняющемся платье. Волосы тоже становятся то иссиня-черными, то пепельного цвета, даже красными, синими, меняют размер — от короткой прически до распущенных по спине и груди роскошных прядей с крупными локонами.

Глаза ее, выпуклые и широко расставленные, то светлые, как горный лед, то синие-синие, тут же становятся зловеще-багровыми, словно череп полон горящих углей.

Азазель охнул:

— Да что это... Я даже не слышал...

Михаил молчал, потрясенный еще больше Азазеля. Вокруг этой необыкновенной женщины пространство сминается волнами, черная мохнатая бабочка застыла в полете с полусложенными крыльями, а взлетевшая от ног Азазеля красная пыль так и осталась висеть в воздухе.

Женщина приближается неспешно, иногда погружается в землю до колена, но продолжает идти, словно

земля не земля, а легкий туман, и все это время не сводит с них вопрошающего взгляда.

Все трое замерли и молча ждали, как вмороженные в лед лягушки, а женщина, замедляя шаг, поинтересовалась прекрасным музыкальным голосом:

— Кто вы, существа?

Обизат съежилась, перепуганная, как мелкая мышка перед огромной кошкой, Михаил не нашелся с ответом, только Азазель сказал заискивающе:

— Бедные странники...

На полных губах странной женщины промелькнула улыбка, но глаза остались серьезными.

— Странники... да еще бедные?..

— Да, госпожа, — подтвердил Азазель истово. — Бредем вот по дорогам, аки птички, что кизяками питаются.

Она произнесла тем же музыкальным голосом:

— Тогда почему ад качнуло, словно лодку на воде, как только вы вошли?..

Азазель сам дернулся, взглянул дикими глазами.

— Госпожа?.. А мы при чем?

Она сказала сомневающимся тоном:

— Совпадение?

— Оно самое, — подтвердил Азазель. — Взгляните на моего друга, он же дурак дураком, издали видно, а я хоть и хитрый, но бедный и слабый!.. Как-то чихнул, тут же с неба звезда упала! Мог бы сказать, что это я ее так, но совпадение, госпожа, везде одни совпадения... Мир нас вообще не замечает, мы как три мелкие мухи на спине самого большого слона на свете...

Она покачала головой, не отрывая от него взгляда спокойных глаз.

— Но мир стал другим, — сказала она ясным голосом, — едва вы вошли. Я заметила. И даже увидела, как начал меняться... Если не вы, что с вами вошло? Нечто настолько... что просто... просто такого не может быть.

Азазель спросил почти шепотом:

— Насколько... какое?

— Огромнее, — ответила она, — чем весь ад и весь мир. Такое не могло быть, но я видела.

Михаил напрягся, есть одно-единственное объяснение, когда нечто более крупное может войти в бесконечно малое, но смолчал, раз он дурак дураком, что видно даже издали, смотрел то на прекрасную женщину, то на Азазеля, а тот кланялся, разводил руками, пожимал плечами и всячески изображал перепуганного нола.

Она снова оглянула их спокойными глазами, сделала рукой движение, словно отодвигает незримую штору. Михаил застыл, увидев страшное темное небо, озаренное багровым огнем вселенских пожаров, с плавающими в пространстве обломками разрушенных миров, с исполинскими кометами, в ядре которых сотни галактик, застывшими взрывами старых вселенных...

Шторы праматерии беззвучно сдвинулись за странной гостьей, Михаил с шумом выпустил распирающий его воздух, сообразив, что все время задерживал его в груди.

— Кто, — прошептал он вздрагивающим голосом, — она?

— Не знаю, — ответил Азазель. Вид у него тоже вздрюченный, — спроси Обизат, женщины все про женщин знают.

Михаил послушно повернулся к Обизат:

— Ты в самом деле знаешь?

Она огрызнулась:

— Кого ты слушаешь, господин?.. Он врет и не чешется. Откуда я могу знать? Я ничего не знаю о Касикандриэре.

Азазель оживился.

— Как, как ее зовут?

— Касикандриэра, — повторила Обизат сердито. — Никто не знает, кто она. И откуда. Вот взяла и появи-

лась!.. Еще в самом начале. Не ангел и не демон. Говорят, сильнее всех в аду, но никто не проверял.

Михаил сказал мрачно:

— Никто и ничто не может из ниоткуда. Господь сотворил все!.. Есть люди, ангелы и демоны. Больше никого.

— Но она есть, — напомнил Азазель. — Не демон и не ангел. А что не человек, поймут даже меднолобые.

— Ну спасибо, — буркнул Михаил. — Моему медному лбу поскорее бы из этих счастливых мест.

— Дай перевести дух, — сказал Азазель, взглянул на него и пояснил: — Это не через брод перевести, а вежливая форма «Надо восстановить силы».

— Понадобятся не годы?

Азазель огляделся.

— Не понадобятся. Место хорошее, никто не видит.

Михаил зябко повел плечами, хотя сухой жаркий воздух заставлял чувствовать себя как в той печи, из которой однажды выволакивал отроков, жаждавших мучительной смерти во славу.

— Но эта же... как ее, Кикандрола, нашла?

— Касикандриэра, — поправила Обизат. — Она особая. Никто не знает, кто она и откуда она. Был слух, что была еще до сотворения мира, но разве такое могло?

Азазель отмахнулся, Михаил хмыкнул и, забросив рюкзак за спину, привычно подтягивал лямки. Азазель оглядел, сказал критически:

— Вот тут перекошило... Правую подтяни туже. И поправь на спине, а то натрет...

Лицо его было настолько серьезное и озабоченное, что Михаил, опомнившись, спросил с подозрением:

— А что, переход будет длинным?

— Да, — подтвердил Азазель. — Но, правда, коротким. Две-три миллисекунды.

— Свинья полосатая...

Он недоговорил, Азазель обнял его и Обизат за плечи, блеснул слепящий свет. На кратчайший миг Михаил успел увидеть первозданный мрак, но тут же подошвы ударились о твердый и восхитительно ровный пол.

Азазель толкнул дверь тесной каморки, Михаил и Обизат вышли в залитую ярким светом прихожую.

Обизат вскрикнула в страхе:

— Ой, что это...

За спиной раздался громкий голос:

— Ваш смертный час!

Михаил развернулся и застыл, прямо в глаза смотрит дуло пистолета. Рукоять как влитая в мощной лапе крупного мужчины, больше похожего на гориллу. Лицо вроде бы человеческое, но что-то в нем неправильное, а справа и слева еще двое, коренастых и угрюмых, с пистолетами в руках, нацеленными в Азазеля и Обизат.

У всех троих суровые лица, испещренные боевыми шрамами, а их вожак, его легко узнать по движениям и властному виду, потребовал громовым голосом:

— Кто из вас Азазель?

Азазель проговорил медленно:

— Ребята, я вам что-то покажу...

— Кто из вас, — повторил вожак лютым голосом.

— Я вытащу очень медленно, — пообещал Азазель, — никакого сопротивления, увидите!

Он в самом деле замедленными движениями снял с плеча рюкзак, опустил на пол. Стволы пистолетов чуть наклонились, сопровождая его при каждом движении.

Пока Азазель расстегивал пряжки, Обизат наконец заговорила:

— Ты... Кокендр? Старший сын Менаньяха?.. Ты еще не знаешь, но все отменяется... Заран убит, во главе клана снова Малфас.

Вожак прорычал мощным голосом:

— Заран?.. Заран не может погибнуть!

Азазель очень медленно достал из рюкзака амулеты, которые снял с груди Зарана, показал всем троим.

— Узнаешь? — спросил он вожака и бросил ему под ноги. — Их можно снять только с убитого.

Михаил молчал, но не двинулся и старался выглядеть как можно загадочнее и опаснее.

Вожак некоторое время смотрел на амулеты, наконец нагнулся, взял один в ладонь.

— Да, — проревел он озадаченно и уже не так угрожающе, — это снимают только с убитого. Покажу в клане.

Он спрятал пистолет, за ним молча сунули за пояса свое оружие и двое соратников.

— Все отменяется, — подтвердил он. — Уходим.

Михаил так и не сдвинулся с места, провожая их взглядом, а когда те прошли прихожую и вышли на лестничную площадку, Азазель буркнул:

— Видишь, Мишка, сколько нам работы?.. Нельзя, чтобы выходцы из ада вот так просто расхаживали в нашем мире!

— Вооруженные, — проговорил Михаил, он чувствовал, как сердце колотится, словно у пойманного зверька, — и опасные...

Обизат перевела дыхание, посмотрела по сторонам, глаза стали огромными, как чайные блюдца, и еще зеленее, словно изумруды вспыхнули под лучами утреннего солнца.

— Где... мы? Куда ты нас...

Михаил повел взглядом по роскошной прихожей, с прекрасной мебелью, хрустальной люстрой, шикарными зеркалами, вспомнил, что и сам в первый день испытал такой же шок, войдя в квартиру Азазеля.

— Моя нора, — гордо ответил Азазель. — Располагайтесь, как дома. Но не поджигать, не ломать, не сорить, на пол не плевать, нос и пальцы о шторы и скатерти не вытирать.

Глаза Обизат стали еще огромнее, в испуге осматривалась, голосок ее стал трусливым:

— С места не сдвинусь... Страшно как... А что такое шторы?

Михаил сказал с сердцем:

— Да нет у него штор. Как и скатерти. Пугает, нрав у него такой дурной. Не бойся, пойдй вот там сядь. Но сними мечи, диван поцарапаешь, Азазель нас поубивает.

Она охнула:

— Поубивает?

— Еще хуже, — уточнил Михаил, — заест.

Глава 2

Он помог ей расстегнуть перевязи с мечами, сам отнес в прихожую и повесил на ремнях рядом с верхней одеждой.

— Страшно, — повторила Обизат зачарованно. — Так вот он каков, мир человекoв...

— Да ты садись, — велел Михаил. — Диван не укусит, я уже проверил.

— А укусит, — сказал Азазель серьезным голосом, — бей в морду. У меня умный интеллигентный дом, понимает только насилие.

Обизат послушно подошла к дивану, но взглянула по дороге в окно, отшатнулась.

— Мы где?

— В башне, — пояснил Михаил. — Высокой. В Аду таких нет.

Азазель сказал строго:

— Сири, не спи. Видишь, гости из деревни? Давай на стол все готовое и натуральное. Без гэмэо и глютена. Остальное дожаришь потом. Будет невкусно — заставляю самой все съесть!

Обизат с непониманием посмотрела на Михаила:

— Это он... кому?

Михаил отмахнулся:

— Не обращай внимания. Это мир людей, здесь все сложнее и проще. Сири не демон, а умная вещь. Даже умнее здешнего хозяина.

От противоположной стены донесся милый женский голосок:

— Спасибо.

Обизат дернулась, но тут же выпрямилась и застыла с ровной спиной и гордой посадкой головы. Панцирь из кожи красиво вздулся на груди двумя небольшими холмиками.

Михаил видел, что ей все еще страшно, но девочка старается держаться с достоинством, с надеждой смотрит, как свободно передвигается в этой пугающей своим величием норе Азазель, как без всякого напряжения держится Михаил, ее повелитель, сама из всех сил старается погасить испуг, хотя удастся пока что не очень.

Азазель взглянул на нее с насмешливой симпатией:

— Малышка, первое, что показывают гостям, это место, где можно помыть руки.

Она спросила с пониманием:

— Такой ритуал?

— Да, — ответил он, — это эвфемизм, никто их там не моет, люди всегда врут, кроме меня, как я только что доказал, зато это единственное место, где можно пописать, и никто не будет показывать пальцем. Пойдем, покажу.

Она послушно пошла с ним, Михаил проводил их взглядом, с этим чистым, хоть и драчливым ребенком будут немалые сложности, нутром чувствует. У людей предчувствия рулят сильнее, чем разум, а разбираться ему, как же, повелитель и господин, с ума сойти. Это значит, он и отвечает.

Вернулся Азазель один, Обизат пришла чуть позже, в самом деле умытенькая и посвежевшая.

Входная дверь звякнула, предупреждая о госте, тут же распахнулась, вошел Бианакит, суровый и весь в ауре сдержанной мужской силы и готовности к бою.

Азазель коротко обнял его, тут же развернул и толкнул в сторону кухонного стола.

— Садись. Вино пить умеешь?

Бианакит искренне удивился:

— А что, его где-то учат пить? Дашь мне в ту школу рекомендацию хоть на один курс?

Михаил сел за стол с ним рядом, из кухни мягко выкатился на резиновых колесиках загруженный столик. Обизат подпрыгнула и вскинула ладонь к плечу, где пальцы должны ухватиться за рифленую рукоять узкого меча, но отважные мужчины не обращают на столик внимания, и она опустила руку, стараясь делать это понезаметнее.

На верхнем этажедвигающемся столика три тушки обжаренных кур, на втором блюда с рыбой, хлеб, специи и даже большая бутылка с вином.

Азазель с заметным удовольствием расставил бокалы, разлил вино. Обизат смотрела на Михаила и старалась держаться, как и он, а после второго бокала вина, уже с раздумывавшимися щеками, спросила стеснительно:

— Мой господин, а какое великое деяние вы совершаете в этом жутком мире людей? Мне будет легче служить вам, если буду знать.

Михаил запнулся с ответом, на помощь пришел злобно улыбающийся Азазель:

— Вообще-то, лапушка, помогаем Творцу.

Она в великом изумлении распахнула розовый ротик:

— Что-о-о?

— Правда, — уточнил он, — ему не сообщая и даже не спрашивая разрешения.

Михаил спросил с сомнением:

— У тебя это помощь... бунтарство или подхалимаж? Что-то не пойму.

— Да, — произнесла Обизат с недетской осторожностью, — и мне как-то непонятно. Хотя я с теми, за кого мой господин, и против тех, с кем он сражается.

Азазель отмахнулся:

— А ты вообще не пищи. Хотя, конечно, каждый солдат должен знать свой маневр, но какой ты солдат, если у тебя сиськи? Даже две!

Михаил буркнул:

— Вообще-то в армию теперь берут и самочек.

Обизат посмотрела на него с горячей благодарностью, Азазель подумал и кивнул:

— Да, беру свои слова в зад.

— Засовываю, — уточнил Михаил. — Теперь так говорят. Даже в приличном обществе.

— Да где теперь приличное, — сказал Азазель с тоской, — я один в мире, живу без ласки, грусть затая, всегда быть в маске судьба моя... Обизат, давай налью еще, а то Мишка современный, дескать, пусть женщины сами за собой, а я воспитанный интеллигент древней и вымирающей формации, блюду традиции...

Она проследила взглядом, как он наполнил ей бокал темно-красным вином, за это время бутылка заполнилась снова, вообще-то пижонство, мог бы сразу в фужерах, но любит то ли повыпендриваться, то ли показать себя заботливым хозяином.

— В общем, — велел он ласково, — лучше не рассуждай, а просто пей и слушайся. Все, что ни делаем, правильно и прилично. И что делаем, тоже прилично и правильно. Почти всегда, хоть и невпопад. Но ведь главное, чистые намерения? Всевышний одобрил бы, как и Люцифер. Люцифер хоть и оппозиционер, но системный оппозиционер. С разных сторон работаем над одной проблемой.

